

МЕЗЯЕВ А. Б.

заведующий кафедрой международного права Академии управления (г. Казань), заместитель главного редактора «Казанского журнала международного права», к.ю.н., доцент

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РЕШЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА О ВЫДАЧЕ ОРДЕРА НА АРЕСТ ПРЕЗИДЕНТА СУДАНА

В марте 2009 года палата досудебного производства¹ Международного уголовного суда (МУС) приняла решение по запросу Прокурора о выдаче ордера на арест президента Судана Омара Хассана Ахмада аль-Башира. Данное решение принималось палатой в течение более семи месяцев². Несмотря на то, что палата потребовала от прокурора представления дополнительных материалов, подтверждающих выдвинутые им обвинения, в конце концов, судьи удовлетворили запрос и выдали ордер на арест О. Башира³. Данное решение вызвало значительный интерес. В частности, весьма интересной представляется статья кандидата юридических наук Глеба Ильича Богуша, опубликованная в первом выпуске «Альманаха международного права». Как и Г. И. Богуш, мы предприняли анализ двух основных вопросов: 1) Правовая обоснованность выдачи ордера на арест действующего главы государства; и 2) Правовые последствия данного решения для международного права, а также для ряда международных договоров, в частности, для Устава ООН и для самого Статута МУС. **Однако, мы пришли к иным выводам, нежели указанный автор. Представляем на суд читателей нашу позицию.**

1) Правовая обоснованность выдачи ордера на арест действующего главы государства. Для принятия решения о выдаче ордера на арест Международного уголовного суда, как и любой другой суд, должен решить вопрос о своей юрисдикции, в том числе, по субъекту преступления. В параграфах 40-45 суд обосновал свою юрисдикцию *ratione personae*. Каковы же были юридические аргументы суда?

¹ В составе судей А. Кьения (Гана), А. Ушацка (Латвия) и С. Стейнер (Бразилия)

² Прокурор МУС направил свой запрос в палату досудебного производства 14 июля 2008 года.

³ Prosecutor v. Omar Hassan Ahmad Al Bashir, Warrant of Arrest, ICC, Pre-Trial Chamber I, Situation in Darfur, Sudan, 4 March 2009.

Во-первых, Суд отметил, что в соответствии с преамбулой Статута МУС, одной из главных целей является прекращение безнаказанности за совершение международных преступлений. Во-вторых, что в соответствии со статьёй 21 Статута МУС, положение лица в качестве главы государства или правительства не является препятствием для наступления ответственности. И, наконец, в-третьих, суд отметил, что ситуация в Дарфоре была передана Суду Советом Безопасности ООН¹.

Достаточно ли убедительны эти аргументы? На наш взгляд, они совсем не убедительны. Проанализируем эти аргументы.

Преамбула Статута МУС. Ссылка на нормы, закреплённые в преамбуле Статута МУС и его цели, может служить дополнительным средством толкования, но не основой для обоснования юрисдикции МУС в отношении президента Судана. В отсутствие специальной нормы, прямо указывающей на юрисдикцию МУС в отношении действующего главы государства, данный аргумент не имеет правового значения.

Статья 21 Статута МУС. Второй аргумент суда звучит гораздо более основательно, ибо опирается на специальную и чётко сформулированную норму международного договора. Действительно, статья 27 Статута МУС установила следующее: «Настоящий Статут применяется в равной мере ко всем лицам, без какого бы то ни было различия на основе должностного положения. В частности, должностное положение как главы государства или правительства, члена правительства или парламента, избранного представителя или должностного лица правительства ни в коем случае не освобождает лицо от уголовной ответственности согласно настоящему Статуту и не является само по себе основанием для смягчения приговора. Иммунитеты или специальные процессуальные нормы, которые могут быть связаны с должностным положением лица, будь то согласно национальному или международному праву, не должны препятствовать осуществлению Судом его юрисдикции в отношении такого лица». Главным дефектом данного аргумента является то, что суд не решил вопрос о применимости статьи 27 к Судану и его президенту. Дело в том, что Судан не является участником Статута МУС и, согласно международному праву, не связан никакими обязательствами по нему. Таким образом, статья 27 Статута МУС не имеет юридической силы в отношении государства, не являющегося участником Статута МУС.

Следует, правда, отметить, что судом была предпринята попытка обосновать применимость статьи 27 к президенту государства, не являющегося участником Статута МУС. Суд заявил, что с учётом передачи ситуации в Дарфоре со стороны Совета Безопасности ООН и «в свете материалов,

¹ Prosecutor v. Omar Hassan Ahmad Al Bashir, ICC, Pre-Trial Chamber I. Decision on the Prosecution's Application for a Warrant of Arrest against Omar Hassan Ahmad Al Bashir, (Situation in Darfur, Sudan), 4 March 2009. Para 42.

представленных прокуратурой в обоснование запроса», он считает, что «нынешнее положение Омара аль-Башира в качестве главы государства, не являющегося участником Статута, не затрагивает юрисдикции Суда в настоящем деле»¹. Данная аргументация в высшей степени поразительна. Она показывает, что суд прекрасно понимает, что применяет норму, которая не может быть применена, но, тем не менее, делает это. Комментировать ссылку на некие «материалы, представленные прокурором» вообще не имеет смысла, так как, во-первых, эти материалы являются секретными и не могут быть оценены. Суд не сделал попытки хотя бы как-нибудь уточнить, о каких материалах идёт речь. Во-вторых, ссылка на любые материалы, представленные прокурором, не может решить вопроса о юрисдикции МУС *ratione personae* в принципе!

Передача ситуации в Дарфоре СБ ООН. Что касается аргумента палаты о передаче ситуации в Дарфоре со стороны СБ ООН, то и этот аргумент является дефектным. На каком основании Совет Безопасности ООН передал ситуацию в Дарфоре в МУС? На основании статьи 13 b Статута МУС. Однако, у СБ ООН не было никаких международно-правовых оснований для подобного решения. С одной стороны, статья 13 b Статута МУС, действительно, упоминает возможность передачи ситуации Советом Безопасности ООН в МУС. Но на каком правовом основании действует сам СБ ООН? Ведь право (как полномочие) Совета передавать ситуацию в МУС не предусмотрено ни в Статуте МУС, ни в Уставе ООН.

Совет Безопасности создан в соответствии с Уставом ООН и действует на его основе. Устав не предусматривает права СБ ООН передавать те или иные ситуации в МУС. При этом Статут МУС лишь упоминает о «ситуации ... переданной прокурору СБ ООН». Однако, предоставление СБ ООН такого серьёзного полномочия является по существу внесением изменения в Устав ООН. Но в Устав ООН никаких поправок на этот счёт внесено не было. Для государств, являющихся участниками как Устава ООН, так и Статута МУС, данная ситуация, возможно, и приемлема. Но на государства, не являющихся участниками МУС, право СБ на передачу ситуации в этих странах в МУС распространяться не может. Эти государства давали своё согласие признавать только те полномочия СБ, которые указаны в Уставе ООН.

Рассмотрим юридические основания резолюции СБ ООН № 5158 от 31 марта 2005 года. Данная резолюция постановила, что ситуация в Дарфоре передаётся Прокурору МУС. Правовым основанием этого стала ссылка на главу VII Устава ООН. Однако ссылка на главу VII не может быть убедительным обоснованием. Дело в том, что юридические решения принимаются путём ссылки на конкретные статьи (и их пункты), а не на главы. Ссылка на главу является сама по себе доказательством отсутствия правовых основа-

¹ Ibid. Paras 40 – 41.

ний для таких решений. Действительно, в последние годы СБ принял немало резолюций со ссылкой на главу VII. Нас как бы пытаются приучить к этой ссылке, видимо, полагая, что часто повторённое становится законным. Действительно, именно ссылкой на главу VII было обосновано создание международных уголовных трибуналов *ad hoc* по бывшей Югославии (МТБЮ) и Руанде (МТР). Но многократно повторенное не может стать законным само по себе. Кстати, ссылка СБ ООН именно на главу, а не конкретную статью этой главы, при создании МТБЮ и МТР также показывает, какие трудности испытывал Совет Безопасности при юридическом обосновании своих незаконных решений.

Глава VII Устава ООН не может быть обоснованием *любых* решений. Эта глава, как и любая другая глава Устава ООН, может быть основой только правомерных, законных и справедливых решений, принятых строго в рамках компетенции Совета Безопасности. Если решение СБ ООН противоречит международному праву, даже если оно принято на основании главы VII, является противоправным. Так, ссылка СБ ООН при создании МТБЮ и МТР на главу VII, не может отменить того факта, что данное решение нарушает целый ряд норм международного права. Во-первых, это нарушение общего принципа права «Никто не может передать другому больше прав, чем имеет сам». Для создания судебного органа СБ ООН должен сам обладать судебными полномочиями, однако всем хорошо известно, что он такими полномочиями не обладает. СБ ООН может создавать только вспомогательные органы и только для выполнения своих функций. Совершенно ясно, что судебный орган не может быть вспомогательным органом органа политического. Таким образом, простая ссылка на главу VII сама по себе ещё не является юридическим основанием законности решения СБ.

Возвращаясь к принятию Резолюции СБ ООН 1593 (2005) следует также отметить ряд других важных аспектов. Так, вызывает вопрос правомерность передачи в МУС ситуации по государству, не являющемуся участником Статута МУС, со стороны государств, которые сами не являются его участниками. В марте 2005 года из 15 членов СБ ООН только 9 были участниками этого международного договора. А среди Постоянных Членов СБ ООН участниками Статута МУС были только двое из пяти. Какова правомерность голосования государств, не являющихся участниками международного договора, обязать другое государство-неучастник выполнять требования данного договора?

Далее. Пункт 1 Резолюции СБ ООН № 1593 установил, что ситуация в Дарфоре передаётся прокурору Международного уголовного суда «за период с 1 июля 2002 года». Какова правомерность ретроактивного применения уголовного права в этом случае? Где в Уставе ООН Совет Безопасности имеет такие полномочия? Давайте представим себе ситуацию, что Судан подпишет и ратифицирует Статут МУС сейчас – после утверждения ордера

на арест президента аль-Башира и ряда других членов правительства страны. Как тогда быть со статьёй 11 Статута? Часть 2 данной статьи устанавливает, что юрисдикция Суда *ratione temporis* распространяется «только» на преступления, совершённые после вступления в силу Статута для этого государства. Исключение установлено только в соответствии с пунктом 3 статьи 12, но оно относится только к воле самого государства. Как видим, исключения из данного правила, на которые государство не давало своего согласия, не предусматриваются. Как тогда быть со статьёй 27, часть первая которой установила, что «настоящий Статут применяется в равной мере ко всем лицам»? Если признать, что возможно привлечение к ответственности граждан государств, не являющихся участниками Статута МУС, то придётся признать, что к ним возможны, во-первых, ретроактивное применение уголовного права, и, во-вторых, дискриминация тех, чьи дела переданы Советом Безопасности ООН по отношению к тем, кто подлежит юрисдикции в силу обязательства по Статуту МУС.

Таким образом, совершенно ясно, что без внесения поправок в Устав ООН ситуация в государстве, не являющемся участником Статута МУС, передана быть не может.

Возможное содержание и пределы применения пункта **b** статьи 13 Статута Международного уголовного суда могут быть определены с помощью обращения к *travaux preparatoires*. Изучение материалов Дипломатической конференции по подготовке Римского Статута МУС показывают, что, действительно, ряд делегаций допускали право СБ ООН на передачу ситуаций в государствах, не являющихся участниками МУС. Однако следует напомнить и о том, что другие делегации чётко и недвусмысленно обращали внимание на то, что право СБ ООН передавать дела в МУС в отношении государств, не являющихся участниками МУС является нарушением Венской Конвенции о праве международных договоров (1969 года)¹. При этом значительное число стран (например, Индия, Украина, Пакистана, Ирак, Нигерия) вообще заявляло, что выступают против любой роли СБ ООН в работе МУС². Таким образом, добросовестное систематическое – в контексте всех действующих норм международного права – толкование пункта **b** статьи 13 приводит нас к выводу о том, что СБ ООН может передавать прокурору МУС только ситуации в государствах, которые являются участниками Статута МУС.

Наконец, следует отметить, что согласно международному праву глава государства обладает иммунитетом от уголовной юрисдикции иностранного государства. Нет оснований считать, что это правило не относится к другим субъектам международного права, включая МУС. Венская Конвенция о дипломатических сношениях (1961 года) и ряд других международ-

¹ См.: например, выступление делегации Сирии и других делегаций // United Nations Diplomatic Conference of Plenipotentiaries on the Establishment of an International Criminal Court. Official Records. Vol. 2. United Nations. New York. 2002. P.184

² Ibid. P. 187, 188, 189, 197, 198.

ных договоров устанавливают либо подтверждают абсолютный иммунитет глав государств и правительств. Более того, Международный Суд – главный судебный орган Организации Объединённых Наций – подтвердил обычно-правовой характер этой нормы. Наконец, параграф 2 статьи 21 Конвенции о специальных миссиях (1969 года) также подтверждает полный иммунитет глав государств. Данный иммунитет и его абсолютный характер был подтверждён в решении Международного Суда ООН по делу «Ордер на арест» (Демократическая Республика Конго против Бельгии). В данном решении Суд постановил, что иммунитет от уголовной юрисдикции высших должностных лиц государства является полным и неотъемлемым¹. Правда, Международный Суд ООН назвал несколько исключений из этого принципа, в частности, уголовный процесс в международном суде (и даже был прямо назван Международным уголовным судом), но – с оговоркой – «там, где они обладают юрисдикцией»². Мы уже показали, что в данном случае юрисдикции МУС в отношении Судана и его граждан, нет.

Палата досудебного производства МУС постановила, что Судан обязан сотрудничать с МУС. При этом, палата сослалась на статьи 25 и 103 Устава ООН, подчеркнув, что обязанность Судана сотрудничать с МУС имеет преимущественную силу по отношению к любому другому международному обязательству в соответствии с иным международным договором. Однако, на самом деле, это утверждение есть некая пародия на юридический аргумент. Дело обстоит прямо противоположным образом. Сам Международный уголовный суд пытается нарушить требования Устава ООН и других международных договоров на основании норм своего Статута. Положения Венской Конвенции о дипломатических сношениях и нормы обычного международного права касательно иммунитета глав государств и правительств вступают в противоречие с положениями Статута МУС. Однако, в связи с тем, что Судан не является участником МУС, а Устав ООН не был изменён, положения Статута МУС к Судану всё равно не могут быть применимы.

В параграфе 245 своего решения от 4 марта палата МУС утверждает, что Судан обязан сотрудничать с МУС на основании статей 24.1 и 25 Устава ООН, однако не обращает внимание на то, что обязанность государств выполнять резолюции СБ ООН по главе VII имеет важную оговорку: «[решения СБ ООН], принятые в соответствии с настоящим Уставом». Подчеркнём: принятые не в соответствии со Статутом МУС, а в соответствии с Уставом ООН. Таким образом, это ещё раз доказывает, что без внесения изменений в Устав ООН, касающихся предоставления СБ ООН права на передачу дел в МУС в отношении государств, не являющихся участниками МУС, такие решения НЕ являются «принятыми в соответствии с Уставом ООН».

¹ См.: ICJ. Case concerning the Arrest Warrant of 11 April 2000 (Democratic republic of the Congo v. Belgium), Judgment of 14.02.2002. Para 54.

² Ibid. Para 61.

2) Правовые последствия данного решения для международного права, а также для ряда международных договоров, в частности, для Устава ООН и для самого Статута МУС.

Столь грубое нарушение норм действующего международного права и постанова Статута МУС над нормами всех остальных международных договоров может привести: во-первых, к отказу ряда государств, подписавших Статут, ратифицировать его; во-вторых, отказу ряда государств от участия в Статуте; в-третьих, возможной денонсации Статута со стороны ряда государств-участников Статута МУС.

Таковыми государствами, например, могут стать страны-члены Лиги арабских государств и страны-члены Африканского Союза. В Резолюции Лиги Арабских Государств, принятой 4 марта 2009 года, в частности, говорится, что государства-члены ЛАГ осуждают решение МУС как нарушение суверенитета Судана и нарушение Венской Конвенции о дипломатических сношениях (1961 года). Африканский Союз в заявлении от 5 марта 2009 года квалифицировал действия МУС как представляющие опасность для ухудшения ситуации в регионе. Обе международные организации выразили своё сожаление о том, что СБ ООН не может принять их общего требования о применении статьи 16 Статута МУС о приостановлении дела.

Считаем возможным и весьма желательным возбуждение дела «Судан против стран-членов СБ ООН», принявших резолюцию № 1593. Возможен также запрос консультативного заключения Международного Суда ООН. Вопрос может быть сформулирован самым различным образом, например: «Правомерно ли издание ордера на арест в отношении действующего главы государства?». Такое заключение могло бы стать неким превентивным решением против возможного возбуждения целого ряда дел в Международном Суде ООН в связи с исполнением ордера на арест аль-Башира. Так, пример дела «Бельгия против Сенегала» показывает, что государства типа Бельгии могут потребовать от стран, не являющихся участниками Статута МУС исполнения ордера на арест президента Судана, а в случае отказа, попытаться привлечения их к международной ответственности. Следует также отметить, что, вероятно, рано или поздно, но международному сообществу придётся, наконец, решить вопрос о содержании «действий» Совета Безопасности ООН по главе VII. В том числе – по передаче в МУС ситуации в государстве, не являющемся участником Статута МУС. Поэтому совершенно ясно, что назрело время для дачи консультативного заключения МС ООН о содержании действий на основании главы VII Устава ООН.

Возможно принятие решения Советом Безопасности ООН на основании статьи 16 Статута МУС – об отсрочке уголовного преследования на срок в 12 месяцев. В этой связи следует отметить, что, поддержку такого решения можно ожидать со стороны стран ЛАГ, Африканского Союза, Китая и России. Российская Федерация уже осудила решение Международного уголовного суда, заявив, что О. Башир «является главой государства, не яв-

ляющегося участником Римского Статута МУС, и в соответствии с общим международным правом пользуется иммунитетами высшего должностного лица государства».¹ Кроме того, заместитель министра иностранных дел России провёл встречу с группой послов стран Африки, на которой вновь была подтверждена принципиальная позиция России. Послы подчеркнули, что в Африке решение МУС расценивается как направленное не только против интересов Судана, но и других государств региона.²

Наконец, следует отметить, что коренным образом может измениться позиция Российской Федерации. Как известно, Россия подписала Статут МУС 13 сентября 2000 года. Однако до сих пор не ратифицировала его. Несмотря на то, что усилиями ряда иностранных государств и международных организаций, в России активно финансируются конференции по пропаганде присоединения РФ к МУС, после решения Суда от 4 марта 2009 года перспективы такой ратификации становятся всё более призрачными.

В этой связи следует подробнее рассмотреть позицию России по отношению к признанию юрисдикции международных судебных учреждений и факторы, влияющие на её формирование.

В целом, позиция России по признанию обязательной или автоматической юрисдикции международных судов совпадает с позицией большинства государств мира. Позиция же большинства заключается в непризнании, либо весьма осторожном признании такой юрисдикции. Если говорить об оговорках к международным договорам вообще, то большинство их касается именно признания обязательной юрисдикции Международного Суда ООН либо других судебных или контрольных механизмов. Так, например, на 1 января 2009 года из 192 государств-участников Статута Международного Суда ООН обязательную юрисдикцию Суда не признают 127 государств. Из тех же 65 стран, которые сделали заявления в соответствии со статьёй 36.2 Статута Суда, большинство оговорили их определёнными условиями. При этом, за последние 5 лет (с 2005 по 2009 годы) только 2 страны признали обязательную юрисдикцию Международного Суда – Содружество Доминики и Джибути. Но сделали они это только для того, чтобы обеспечить приемлемость их собственных жалоб. Признание ими обязательной юрисдикции МС состоялось за несколько недель до направления в Суд жалоб против Швейцарии³ и Франции⁴ соответственно.

¹ См.: Заявление официального представителя МИД России в связи с выдачей Международным уголовным судом ордера на арест Президента Судана О.Башира» от 5 марта 2009 года.

² См.: Сообщение МИД России «О встрече заместителя Министра иностранных дел России А.В. Салтанова с группой африканских послов» от 6 марта 2009 года.

³ См. дело: *Status vis-a-vis the Host State of a Diplomatic Envoy to the United Nations (Commonwealth of Dominica v. Switzerland)*. Обязательная юрисдикция МС была признана Доминикой 31 марта 2006 года, жалоба против Швейцарии подана 26 апреля 2006 года.

⁴ *Certain Questions of Mutual Assistance in Criminal Matters (Djibuti v. France)*. Обязательная юрисдикция Международного Суда ООН была признана Джибути 2 сентября 2005 года, жалоба против Франции подана 10 января 2006 года.

Позиция большинства государств, не признающих автоматическую юрисдикцию Международного Суда ООН, вполне понятна. Международные суды состоят в основном из европейцев, которые применяют в целом евроцентричный подход к международному праву. Причём представительство даже европейских судей также фактически постоянно и мало изменяется. Интересно отметить, что даже при формальном представительстве в этих судах юристов из других *географических* районов, на самом деле они представляют те же самые *правовые системы*, что и судьи из Европы. Так, в международных судах никогда не было юристов, представляющих исламское (или другое религиозное) право или представляющих обычное право. В этой связи вызывает сомнение, что в современных международных судах, действительно, представлены *все основные правовые системы* современности. Если, конечно, не считать, что «основными» правовыми системами являются *только* романо-германское и общее право. При изучении международно-правовой позиции государств Африки можно увидеть, что осторожность этих стран к ряду областей современного международного права, в первую очередь, к обычному международному праву, а также к международной судебной процедуре объясняется именно проблемами состава суда и – как следствие – применяемыми ими нормами права.

Следует подчеркнуть, что позиция СССР не заключалась в полном отказе от обязательной юрисдикции Международного Суда. Такая юрисдикция признавалась по толкованию ряда конвенций, в частности, Устава МОТ и Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Главное заключалось в другом – непризнании неправомерного расширения компетенции Международного Суда и придания ей автоматически обязательного характера.

В то же время, позиция СССР исходила из того факта, что деятельность Международного Суда ООН неоднократно демонстрировала, что она далеко не всегда основывается на праве. Так, хорошо известно решение по делу о Юго-Западной Африке 1966 года¹.

Произошли ли радикальные перемены в этом вопросе в последние годы? Отнюдь нет. Так, например, решения Международного Суда по делам *Об острове Касикили/Седуду* (Ботсвана/Намибия) и *О сухопутной и морской границе* (Камерун против Нигерии) 1999 и 2002 годов продемонстрировали, что Суд готов выносить явно несправедливые решения, если они отвечают интересам стран, чьи представители составляют большинство Суда. Так, в решении по делу *Камерун против Нигерии* Международный Суд признал полуостров Бакасси принадлежащим Камеруну на основании колониального подхода, а именно – на основании признания права Великобритании на передачу территорий в Африке Германии. Никаких объяснений правомер-

¹ См. Заявление ТАСС в связи с решением Международного Суда о Юго-Западной Африке // СССР и страны Африки. Документы и материалы. 1963-1970. – М., 1982, – С. 358-360.

ности данного признания дано не было. Несмотря на протесты ряда судей, решение было принято большинством голосов.

Показателен в этом отношении и отказ Международного Суда распорядиться о введении предварительных мер защиты во время рассмотрения жалобы Югославии во время бомбардировок НАТО¹. В своём несогласном мнении югославский судья М.Креча заявил, что справедливое рассмотрение дела было возможным только в том случае, если бы Югославия имела равное представительство в Суде со спорящими сторонами. С этим выводом следует согласиться, ибо в каждом деле Югославии противостояло не одно, а несколько государств и их союзников, каждое из которых имело своего судью. Добиться справедливости в такой ситуации, конечно же, было невозможно. Особо следует назвать решение Международного Суда ООН по делу *О применении Конвенции о геноциде (Босния и Герцеговина против Сербии и Черногории)*, вынесенное 26 февраля 2007 года. Во-первых, в данном деле Международный Суд ООН пошёл на откровенный подлог с целью доказать наличие своей юрисдикции рассматривать спор по существу. Проблема заключается в том, что в упомянутых выше делах *Югославия против 10 стран НАТО* в 2004 году Международный Суд отклонил иски Югославии на том основании, что на момент их подачи (в 1999 году), СРЮ не являлась членом ООН и Статута МС и, таким образом, не имела доступа к Суду. Исходя из этого решения, совершенно ясно, что на момент подачи иска Боснии и Герцеговины против Югославии (в 1993 году) СРЮ также не являлась членом ООН и также не имела доступа к Суду. В первом случае МС не допустил сам факт рассмотрения агрессии стран НАТО против Югославии. Во втором же случае, наоборот, была поставлена задача международного судебного осуждения Югославии. Для того, чтобы оправдать наличие юрисдикции в деле *Босния против СРЮ* Международному Суду необходимо было придумать убедительное объяснение. Придуманная версия оказалась не только неубедительной юридически, но может быть квалифицирована как откровенно и даже демонстративно предвзятая. Достаточно привести такую «аргументацию» Суда: «Решив в 1998 году [в практически полностью другом составе Суда – комментарий А.М.] вопрос о признании своей юрисдикции в настоящем деле, Суд, таким образом, решил вопрос и о доступе к Суду. Сейчас совершенно нет необходимости устанавливать, на каком основании Суд пришёл к такому выводу...» (!!!) И это при том, что никогда, за всю 13-летнюю историю рассмотрения дела, Международный Суд ни разу не объяснил правовые основания этого своего решения! Впрочем, это-то как раз и объяснимо, ибо таких правовых оснований не было².

¹ См. решения по делам Союзной Республики Югославия против 10 стран НАТО: (*Legality of Use of Force (Yugoslavia v. Belgium)* и др.), вынесенные 15 декабря 2004 года.

² Подробнее см.: Мезяев А.Б. Дело о геноциде. Решение Международного Суда ООН Решение Международного Суда ООН по делу *О применении Конвенции о предотвращении преступления геноцида и наказании за него (Босния и Герцеговина против Сербии и Черногории)*.

В своё время в российской литературе довольно резко, но весьма обоснованно говорилось о том, что решения подобного рода дискредитировали Международный Суд ООН¹. К сожалению, сегодня имеются все основания констатировать, что в случае политической необходимости МС ООН готов вновь дискредитировать себя вынесением неправомерного приговора. Однако, деятельность и других международных судов далеко не безупречна. Так, например, страдают политической мотивацией некоторые решения Европейского Суда по правам человека, например, решение по делу *Илашку*². Министерство иностранных дел России выразило «недоумение непоследовательностью, противоречивостью, субъективностью и явной политической ангажированностью Европейского суда по правам человека в Страсбурге» по отношению к России. МИД РФ назвал вердикт Суда «мягко говоря, юридически безупречным»³. Не менее показательным является и дело *Банкович и другие против Бельгии и других стран НАТО*. В 1999 году жертвы НАТОвских бомбардировок Союзной Республики Югославия подали жалобу в Европейский Суд по правам человека. Заявители обосновывали приемлемость жалобы тем, что действия стран НАТО были совершены либо на территории Югославии, либо, совершённые на своих территориях, имели последствия на территории СРЮ. Однако, Европейский Суд по правам человека, сославшись на *travaux preparatoires* Европейской конвенции 1950 года, заявил, что составители Конвенции не имели в виду более широкое понимание территориальной юрисдикции, нежели это понимается традиционно. Обращение к *travaux* как к единственному в данной ситуации источнику толкования, выглядит здесь весьма цинично, особенно на фоне отказа Суда обратиться к более приемлемому в данной ситуации телеологическому толкованию. Данное решение, конечно же, вновь имело своей целью выведение из-под ответственности страны НАТО, особенно, если учесть, что практически все судьи, рассматривавшие дело, были гражданами стран-агрессоров.

Деятельность так называемого Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии вообще может рассматриваться как подрыв современного международного права. Все проблемы международных уголовных трибуналов связаны как с незаконностью их создания, так и с постоянными нарушениями норм международного права. Для целей настоящей статьи отметим, что юрисдикция Международного трибунала по бывшей Югославии была распространена на страны бывшей Югославии в нарушение основопо-

Некоторые вопросы фактов и международного права // Казанский журнал международного права, № 1. – 2007. – С. 35-65.

¹ См., например: Борисов С. Нарушение Международным судом суверенных прав Ирана (К постановлению 5 июля 1951 года) // Советское государство и право, 1952. – №1.

² См.: European Court of Human Rights, *Ilascu and Others v. Moldova and Russia*, Judgment, 8.07.2004.

³ См. Заявление Министерства иностранных дел РФ «В связи с Постановлением Европейского Суда по правам человека в Страсбурге по «делу Илашку» от 8 июля 2004 года.

лагающих принципов международного права, в первую очередь, принципов суверенного равенства и невмешательства во внутренние дела. Более того, приоритет МТБЮ был незаконно установлен в отношении всех государств мира, в том числе, государств, не являющихся членами ООН. Деятельность МТБЮ основана на грубейших нарушениях норм международного права, создания собственного «права трибунала» и полным произволом, включая обвинения заведомо невиновных и фальсификацию доказательств. Особо подчеркнём – речь идёт не об отдельных фактах нарушений, а именно о сознательной ломке действующего международного права для достижения чётко поставленных политических целей. В 2000 году тогдашний Председатель Международного Суда ООН Ж. Гийом квалифицировал деятельность МТБЮ как «угрозу целостности международного права». Российская Федерация, кстати, полностью поддержала данную квалификацию¹. Подобное заявление из уст председателя главного судебного органа ООН является беспрецедентным. Впрочем, отбросив дипломатичность судьи Жильбера Гийома, следует констатировать, что деятельность МТБЮ – крупнейшее преступление, совершаемое с помощью, а точнее сказать – с использованием имени – международного права.

Исходя из всего вышесказанного, и учитывая, что статья 120 Статута Международного уголовного суда запрещает любые оговорки, Российской Федерации объективно следует отказаться от ратификации этого договора.

Кроме того, на фоне слияния кадрового состава МУС и МТБЮ рекомендация российских юристов-международников, занимающихся проблемами деятельности международных судов может быть только одной: не участвовать в Статуте Международного уголовного суда. Не стоит повторять прошлых ошибок, связанных со сколь неоправданными, столь и наивными ожиданиями, что новый международный суд не станет политическим инструментом «сильных мира сего».

В целом, следует обратить внимание на то, что и решение МУС о выдаче ордера на арест действующего главы государства и решение СБ ООН о передаче дела в Дарфоре в МУС, вкупе с решениями о создании незаконных международных трибуналов **ad hoc и полное непротиводействие их преступной деятельности**, к сожалению, является частью гораздо более серьёзного процесса, нежели отдельные неправомерные действия со стороны отдельных субъектов международного права. На первый взгляд, эти действия являются попыткой кучки стран, являющихся, правда, на сегодняшний день сильными мира сего, и присвоивших себе имя «международного сообщества», использовать международные институты для реализации своих корыстных целей. В том числе, может возникнуть вопрос, не пытаются ли некоторые государства сорвать проходящие в настоящее время переговоры

¹ См. Выступление Постоянного Представителя РФ при ООН С.В.Лаврова на заседании Совета безопасности ООН 21 ноября 2000 года.

об урегулировании суданского конфликта. Так, приближается 2011 год, на который назначен референдум, который потенциально может привести к прекращению конфликта¹. Однако, на наш взгляд, всё намного серьезнее. Речь идёт о сознательном разрушении имеющихся международных организаций, прежде всего, ООН и их дискредитации. Мы являемся свидетелями не только того, как одни государства разрушают всю систему послевоенного «Ялтинского» мироустройства, но и свидетелями того, как весь остальной мир – настоящее международное сообщество, видимо, уже смирившись со своей судьбой, молчаливо ожидает своей участи, надеясь, что завтра придут пока ещё не за ним.

¹ См. Comprehensive Peace Agreement (between Government of Sudan and Sudan People's Liberation Movement), 2005